

своим универсализмом, сочетанием научных, литературных и художественных интересов, своей бурной, кипучей натурой, своей пытливостью и всепоглощающей страстностью в любой сфере деятельности Ломоносов напоминал, — больше того, своеобразно повторял, — великих ученых — художников эпохи Возрождения. Это будет, вероятно, правильно, но именно с типологической точки зрения. Но верно ли это в историческом отношении?

В приведенном отрывке Г. А. Гуковский совмещает как будто обе точки зрения: он характеризует Ломоносова и как явление типологическое («последний великий представитель европейской традиции культуры Возрождения в поэзии»), и как историческое («он воспринял традиции Ренессанса через немецкую литературу барокко...»). В результате у читателя нет ясности, как же, в конце концов, понимал покойный ученый Ломоносова — как действительного поэта Возрождения или только как похожего на поэтов Ренессанса. Ведь последняя фраза вносит серьезные ограничения в казалось бы четкую формулировку: «Патетика ломоносовской оды, ее грандиозный размах, ее напряженно-образная, яркая метафорическая манера сближает ее <курсив мой, — П. Б.> именно с искусством Возрождения». А в своих других, более поздних работах (в сборнике «Литературное творчество Ломоносова», вышедшем недавно из печати, опубликована его глава о Ломоносове из «Очерков по истории русской критики XVIII века») Г. А. Гуковский говорит о том, что Ломоносов — поэт, близкий к классицизму.

Выше было уже сказано, что характеристика Ломоносова как поэта Возрождения, сделанная Г. А. Гуковским, стоит одиноко в советском литературоведении: все остальные авторы без колебаний признают его поэтом-классиком — Д. Д. Благой (во всех изданиях своей «Истории русской литературы XVIII века»), Н. К. Гудзий (в статье о Ломоносове в т. 37 первого издания «Большой советской энциклопедии»), К. В. Пигарев (в т. I трехтомной «Истории русской литературы») и многие другие.

Правда, довольно близко подошла к позиции Г. А. Гуковского Д. К. Мотольская в своей статье о Ломоносове, помещенной в т. III десятитомной «Истории русской литературы». Характеризуя философские воззрения великого поэта, исследовательница замечает: «Если искать для Ломоносова аналогии среди представителей западноевропейской культуры, западноевропейского просвещения, то в первую очередь надо указать именно на Лейбница, хотя по характеру своих философских воззрений Ломоносов идет дальше Лейбница, с одной стороны, развивая его идеи, с другой — преодолевая их».¹¹ И сразу же Д. К. Мотольская для подтверждения

¹¹ История русской литературы. Т. III. Литература XVIII века. Часть первая. М.—Л., 1941, стр. 285.